

вопрос о влиянии второго старославянского жития св. Вацлава на киевскую агиографию. С одной стороны, сюда привлекают сочинения, посвященные Борису и Глебу, с другой — Житие Феодосия Печерского. Неоднократно предполагалось влияние жития Вацлава на Несторово «Чтение о Борисе и Глебе»; Н. Н. Ильин ищет это влияние в соответствующей статье ПВЛ.⁴⁹ На отношения житий Вацлава и Феодосия обратил внимание Д. Чижевский.⁵⁰ В работах, изданных к IV съезду славистов, и Н. К. Гудзий,⁵¹ и А. В. Флоровский⁵² относятся к поискам этих влияний весьма скептически. В этой статье я не собираюсь рассматривать вопрос об агиографических памятниках, посвященных Борису и Глебу. Но что касается связей Жития Феодосия, написанного Нестором, и старославянского варианта легенды Гумпольда, то они кажутся мне совершенно бесспорными.

Признание этого весьма важно для суждений о генезисе «Сказания о преложении книг»: становится гораздо правдоподобнее предположение, что редактор ПВЛ использовал для «Сказания о преложении книг» источник сазавского происхождения. Новейшая литература обычно оказывает большее влияние, чем старая. Около 1100 г. сазавская продукция явно воспринималась в Киеве как современная. Сейчас при изучении кирилло-мефодиевской эпохи мы отдаем предпочтение источникам IX в., а не XI в., но у редактора ПВЛ в начале XII в. были другие потребности и взгляды. Для него, как кажется, более привлекательными были новейшие достижения западной ветви старославянской литературы.

Мне представляется правильной мысль о возможности личных связей Нестора с Сазавским монастырем. Существует известное сообщение, что частицы мощей Бориса и Глеба были помещены в алтаре Сазавского храма. Каким образом эти реликвии попали из Киева в Чехию? Одни исследователи полагают, что их принесло посольство из Печерского монастыря, в составе которого был и Нестор. Другое же мнение, высказанное В. Халоупецким и поддержанное недавно А. В. Флоровским, заключается в том, что частицы мощей русских мучеников попали в Чехию во время похода Владимира Мономаха. Поход Владимира — засвидетельствованный исторический факт, но связывание его с перенесением мощей — такая же гипотеза, как и предположение об участии Нестора в некоем посольстве киевских монахов.

Гипотезы столь же трудно опровергать, как и аргументировать; в данном случае приходится ограничиться рассуждениями общего характера. Мне кажется, что роль феодалов часто переоценивается при изучении культурных связей раннего средневековья, что гораздо значительней тогда была роль образованных людей. Конечно, личные склонности таких князей, как Ярослав Мудрый на Руси или Вратислав в Чехии, имели большое значение для развития славянской письменности XI в. Однако, по моему мнению, все же слишком часто злоупотребляют династическими объяснениями. Как кажется, преувеличивается участие Моймира II в предполагаемом возникновении «старославянского Privilegium» на рубеже IX—X вв., гипотеза же о расцвете славянской культуры, якобы имевшем место во времена княгини Людмилы, сама весьма похожа на легенду. Думаю

⁴⁹ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

⁵⁰ D. Čiževský. Anklänge an die Gumpolds-Legende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der «Originalität» der slavischen mittelalterlichen Werken. — Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd. I. Wien, 1950, стр. 84.

⁵¹ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 22—23.

⁵² А. В. Флоровский. Чешские струи..., стр. 221.